

Иван Гончаров

ФРЕГАТ ПАЛЛАДА
I

T8 RUGRAM

УДК 82-6
ББК 83.3(2Рос=Рус)1
Г65

Гончаров, И.

Г65 Фрегат «Паллада» I / И. Гончаров. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2019. — 324 с.

ISBN 978-5-521-76617-8

Иван Александрович Гончаров (1812–1891) — русский писатель XIX века, литературный критик, публицист, автор романа-бестселлера «Обломов» мирового масштаба.

«Фрегат «Паллада» — цикл очерков, в основу которых легли впечатления автора от дипломатической экспедиции на военном фрегате «Паллада» в 1852–1855 гг. к берегам Японии. Это произведение не только приоткрывает читателю завесу тайн истории русского флота, но и в полной мере демонстрирует мастерство Гончарова — художника, психолога, бытописателя.

BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-76617-8 © Т8 RUGRAM, оформление, 2019
© Т8 Издательские технологии, 2019

I

От Кронштадта до мыса Лизарда

Сборы, прощание и отъезд в Кронштадт. — Фрегат «Паллада». — Море и моряки. — Кают-компания. — Финский залив. — Свежий ветер. — Морская болезнь. — Готланд. — Холера на фрегате. — Падение человека в море. — Зунд. — Каттегат и Скагеррак. — Немецкое море. — Догтерская банка и Галлоперский маяк. — Покинутое судно. — Рыбаки. — Британский канал и Спитгедский рейд. — Лондон. — Похороны Веллингтона. — Заметки об англичанах и англичанках. — Возвращение в Портсмут. — Житье на «Кемпердоуне». — Прогулка по Портсмуту, Саутси, Портси и Госпорту. — Ожидание попутного ветра на Спитгедском рейде. — Вечер накануне Рождества. — Силуэт англичанина и русского. — Отплытие.

* * *

Меня удивляет, как могли вы не получить моего первого письма из Англии, от 2/14 ноября 1852 года, и второго из Гонконга, именно из мест, где об участии письма заботятся, как о судьбе новорожденного младенца. В Англии и ее колониях письмо есть заветный предмет, который проходит чрез тысячи рук, по железным и другим дорогам, по океанам, из полушария в полушарие, и находит неминуемо того, к кому послано, если только он жив, и так же неминуемо возвращается, откуда послано, если он умер или сам воротился туда же. Не затерялись ли письма на материке, в датских или прусских владениях? Но теперь поздно производить следствие о таких пустяках: лучше вновь написать, если только это нужно...

Иван ГОНЧАРОВ

Вы спрашиваете подробностей моего знакомства с морем, с моряками, с берегами Дании и Швеции, с Англией? Вам хочется знать, как я вдруг из своей покойной комнаты, которую оставлял только в случае крайней надобности и всегда с сожалением, перешел на зыбкое лоно морей, как, избалованнейший из всех вас городской жизнью, обычною суетой дня и мирным спокойствием ночи, я вдруг, в один день, в один час, должен был ниспровергнуть этот порядок и ринуться в беспорядок жизни моряка? Бывало, не заснешь, если в комнату ворвется большая муха и с буйным жужжаньем носится, толкаясь в потолок и в окна, или заскребет мышонок в углу; бежишь от окна, если от него дует, бранишь дорогу, когда в ней есть ухабы, откажешься ехать на вечер в конец города под предлогом «далеко ехать», боишься пропустить урочный час лечь спать; жалуешься, если от супа пахнет дымом, или жаркое перегорело, или вода не блестит, как хрусталь... И вдруг — на море! «Да как вы там будете ходить — качает?» — спрашивали люди, которые находят, что если заказать карету не у такого-то каретника, так уж в ней качает. «Как ляжете спать, что будете есть? Как уживетесь с новыми людьми?» — сыпались вопросы, и на меня смотрели с болезненным любопытством, как на жертву, обреченную пытке. Из этого видно, что у всех, кто не бывал на море, были еще в памяти старые романы Купера или рассказы Мариета о море и моряках, о капитанах, которые чуть не сажали на цепь пассажиров, могли жечь и вешать подчиненных, о кораблекрушениях, землетрясениях. «Там вас капитан на самый верх посадит, — говорили мне друзья и знакомые (отчасти и вы, помните?), — есть не велит давать, на пустой берег высадит». — «За что?» — спрашивал я. «Чуть не так сядете, не так пойдете, закурите сигару, где не велено». — «Я всё буду делать, как делают там», — кратко

отвечал я. «Вот вы привыкли по ночам сидеть, а там, как солнце село, так затушат все огни, — говорили другие, — а шум, стукотня какая, запах, крик!» — «Сопьетесь вы там с кругу! — пугали некоторые, — пресная вода там в редкость, всё больше ром пьют». — «Ковшами, я сам видел, я был на корабле», — прибавил кто-то. Одна старушка всё грустно качала головой, глядя на меня, и упрашивала ехать «лучше сухим путем кругом света». Еще барыня, умная, милая, заплакала, когда я приехал с ней прощаться. Я изумился: я видался с нею всего раза три в год и мог бы не видаться три года, ровно столько, сколько нужно для кругосветного плавания, она бы не заметила. «О чем вы плачете?» — спросил я. «Мне жаль вас», — сказала она, отирая слезы. «Жаль потому, что лишний человек все-таки развлечение?» — заметил я. «А вы много сделали для моего развлечения?» — сказала она. Я стал в тупик: о чем же она плачет? «Мне просто жаль, что вы едете бог знает куда». Меня зло взяло. Вот как смотрят у нас на завидную участь путешественника! «Я понял бы ваши слезы, если б это были слезы зависти, — сказал я, — если б вам было жаль, что на мою, а не на вашу долю выпадает быть там, где из нас почти никто не бывает, видеть чудеса, о которых здесь и мечтать трудно, что мне открывается вся великая книга, из которой едва кое-кому удастся прочесть первую страницу...» Я говорил ей хорошим слогом. «Полноте, — сказала она печально, — я знаю всё; но какою ценою достанется вам читать эту книгу? Подумайте, что ожидает вас, чего вы натерпитесь, сколько шансов не воротиться!.. Мне жаль вас, вашей участи, оттого я и плачу. Впрочем, вы не верите слезам, — прибавила она, — но я плачу не для вас: мне просто плачется».

Мысль ехать, как хмель, туманила голову, и я беспечно и шутливо отвечал на все предсказания и предостережения,

пока еще событие было далеко. Я всё мечтал — и давно мечтал — об этом вояже, может быть с той минуты, когда учитель сказал мне, что если ехать от какой-нибудь точки безостановочно, то воротиться к ней с другой стороны: мне захотелось поехать с правого берега Волги, на котором я родился, и воротиться с левого; хотелось самому туда, где учитель указывает пальцем быть экватору, полюсам, тропикам. Но когда потом от карты и от учительской указки я перешел к подвигам и приключениям Куков, Ванкуверов, я опечалился: что перед их подвигами Гомеровы герои, Аяксы, Ахиллесы и сам Геркулес? Дети! Робкий ум мальчика, родившегося среди материка и не видавшего никогда моря, цепенел перед ужасами и бедами, которыми наполнен путь пловцов. Но с годами ужасы изглаживались из памяти, и в воображении жили, и пережили молодость, только картины тропических лесов, синего моря, золотого, радужного неба.

«Нет, не в Париж хочу, — помните, твердил я вам, — не в Лондон, даже не в Италию, как звучно вы о ней ни пели, поэт¹, — хочу в Бразилию, в Индию, хочу туда, где солнце из камня вызывает жизнь и тут же рядом превращает в камень всё, чего коснется своим огнем; где человек, как праотец наш, рвет несеянный плод, где рыщет лев, пресмыкается змей, где царствует вечное лето, — туда, в светлые чертоги Божьего мира, где природа, как баядерка, дышит сладострастием, где душно, страшно и обаятельно жить, где обессиленная фантазия не имеет перед готовым созданием, где глаза не устанут смотреть, а сердце биться».

Всё было загадочно и фантастически прекрасно в волшебной дали: счастливицы ходили и возвращались с заманчивою,

¹ А. Н. Майков (*примеч. Гончарова*).

но глухою повестью о чудесах, с детским толкованием тайн мира. Но вот явился человек, мудрец и поэт, и озарил таинственные углы. Он пошел туда с компасом, заступом, циркулем и кистью, с сердцем, полным веры к Творцу и любви к Его мирозданию. Он внес жизнь, разум и опыт в каменные пустыни, в глушь лесов и силою светлого разума указал путь тысячам за собою. «Космос!» Еще мучительнее прежнего хотелось взглянуть живыми глазами на живой космос. «Подад бы я, — думалось мне, — доверчиво мудрецу руку, как дитя взрослому, стал бы внимательно слушать, и, если понял бы настолько, насколько ребенок понимает толкования дядьки, я был бы богат и этим скудным разумением». Но и эта мечта улеглась в воображении вслед за многим другим. Дни мелькали, жизнь грозила пустотой, сумерками, вечными буднями: дни, хотя порознь разнообразные, сливались в одну утомительно-однообразную массу годов. Зевота за делом, за книгой, зевота в спектакле, и та же зевота в шумном собрании и в приятельской беседе!

И вдруг неожиданно суждено было воскресить мечты, расшевелить воспоминания, вспомнить давно забытых мною кругосветных героев. Вдруг и я вслед за ними иду вокруг света! Я радостно содрогнулся при мысли: я буду в Китае, в Индии, переплыву океаны, ступлю ногою на те острова, где гуляет в первобытной простоте дикарь, посмотрю на эти чудеса — и жизнь моя не будет праздным отражением мелких, надоевших явлений. Я обновился; все мечты и надежды юности, сама юность воротилась ко мне. Скорей, скорей в путь!

Странное, однако, чувство одолело меня, когда решено было, что я еду: тогда только сознание о громадности предприятия заговорило полно и отчетливо. Радужные мечты поблуждали надолго; подвиг подавлял воображение, силы ослабе-

Иван ГОНЧАРОВ

вали, нервы падали по мере того, как наступал час отъезда. Я начал завидовать участи остающихся, радовался, когда являлось препятствие, и сам раздувал затруднения, искал предлогов остаться. Но судьба, по большей части мешающая нашим намерениям, тут как будто задала себе задачу помогать. И люди тоже, даже незнакомые, в другое время недоступные, хуже судьбы, как будто сговорились уладить дело. Я был жертвой внутренней борьбы, волнений, почти изнемогал. «Куда это? Что я затеял?» И на лицах других мне страшно было читать эти вопросы. Участие пугало меня. Я с тоской смотрел, как пустела моя квартира, как из нее понесли мебель, письменный стол, покойное кресло, диван. Покинуть всё это, променять на что?

Жизнь моя как-то раздвоилась, или как будто мне дали вдруг две жизни, отвели квартиру в двух мирах. В одном я — скромный чиновник, в форменном фраке, робеющий перед начальническим взглядом, боящийся простуды, заключенный в четырех стенах с несколькими десятками похожих друг на друга лиц, вицмундиров. В другом я — новый аргонавт, в соломенной шляпе, в белой льняной куртке, может быть с табачной жвачкой во рту, стремящийся по безднам за золотым руном в недоступную Колхиду, меняющий ежемесячно климаты, небеса, моря, государства. Там я редактор докладов, отношений и предписаний; здесь — певец, хотя *ex officio*, похода. Как пережить эту другую жизнь, сделаться гражданином другого мира? Как заменить робость чиновника и апатию русского литератора энергиею мореходца, изнеженность горожанина — загробелостью матроса? Мне не дано ни других костей, ни новых нерв. А тут вдруг от прогулок в Петергоф и Парголово шагнуть к экватору, оттуда к пределам Южного полюса, от Южного к Северному, переплыть четыре океана,

ФРЕГАТ «ПАЛЛАДА» • I

окружить пять материков и мечтать воротиться... Действительность, как туча, приближалась всё грозней и грозней; душу посещал и мелочной страх, когда я углублялся в подробный анализ предстоящего вояжа. Морская болезнь, перемены климата, тропический зной, злокачественные лихорадки, звери, дикари, бури — всё приходило на ум, особенно бури. Хотя я и беспечно отвечал на все, частью трогательные, частью смешные, предостережения друзей, но страх нередко и днем и ночью рисовал мне призраки бед. То представлялась скала, у подножия которой лежит наше разбитое судно, и утопающие напрасно хватаются усталыми руками за гладкие камни; то снилось, что я на пустом острове, выброшенный с обломком корабля, умираю с голода... Я просыпался с трепетом, с каплями пота на лбу. Ведь корабль, как он ни прочен, как ни приспособлен к морю, что он такое? — щепка, корзинка, эпиграмма на человеческую силу. Я боялся, выдержит ли непривычный организм массу суровых обстоятельств, этот крутой поворот от мирной жизни к постоянному бою с новыми и резкими явлениями бродячего быта? Да, наконец, хватит ли души вместить вдруг, неожиданно развивающуюся картину мира? Ведь это дерзость почти титаническая! Где взять силы, чтоб воспринять массу великих впечатлений? И когда ворвутся в душу эти великолепные гости, не смутится ли сам хозяин среди своего пира?

Я справлялся, как мог, с сомнениями: одни удалось победить, другие оставались нерешенными до тех пор, пока дойдет до них очередь, и я мало-помалу ободрился. Я вспомнил, что путь этот уже не Магелланов путь, что с загадками и страхами справились люди. Не величавый образ Колумба и Васко де Гама гадательно смотрит с палубы вдаль, в неизвестное будущее: английский лоцман, в синей куртке, в кожаных панта-

Иван ГОНЧАРОВ

лонах, с красным лицом, да русский штурман, с знаком отличия беспорочной службы, указывают пальцем путь кораблю и безошибочно назначают день и час его прибытия. Между моряками, зевая апатически, лениво смотрит «в безбрежную даль» океана литератор, помышляя о том, хороши ли гостиницы в Бразилии, есть ли прачки на Сандвичевых островах, на чем ездят в Австралии? «Гостиницы отличные, — отвечают ему, — на Сандвичевых островах найдете всё: немецкую колонию, французские отели, английский портер — все, кроме — диких». В Австралии есть кареты и коляски; китайцы начали носить ирландское полотно; в Ост-Индии говорят всё по-английски; американские дикари из леса порываются в Париж и в Лондон, просятся в университет; в Африке черные начинают стыдиться своего цвета лица и понемногу привыкают носить белые перчатки. Лишь с большим трудом и издержками можно попасть в кольца удава или в когти тигра и льва. Китай долго крепился, но и этот сундук с старою рухлядью вскрылся — крышка слетела с петель, подорванная порохом. Европейец роется в ветоши, достает, что придется ему впору, обновляет, хозяйничает... Пройдет еще немного времени, и не станет ни одного чуда, ни одной тайны, ни одной опасности, никакого неудобства. И теперь воды морской нет, ее делают пресною, за пять тысяч верст от берега является блюдо свежей зелени и дичи; под экватором можно поесть русской капусты и щей. Части света быстро сближаются между собою: из Европы в Америку — рукой подать; поговаривают, что будут ездить туда в сорок восемь часов, — пуф, шутка конечно, но современный пуф, намекающий на будущие гигантские успехи мореплавания.

Скорей же, скорей в путь! Поэзия дальних странствий исчезает не по дням, а по часам. Мы, может быть, последние пу-